

„Вѣхи“ и „Смѣна вѣхъ“.

На эту тему, которая вполне естественно интересует и волнует всѣхъ русскихъ, живущихъ исторической и духовной жизнью, одинъ изъ сотрудниковъ „Вѣхъ“, известный публицистъ А. С. Изгоевъ, прочелъ 5-го января докладъ въ петроградскомъ Домѣ Литераторовъ. Мы воспроизводимъ нынѣ этотъ докладъ дословно по изложенію его, напечатанному въ №№ 1—2 (5-6) „Лѣтописи Дома Литераторовъ“ (отъ 15 января 1922 г.). Пренія по докладу изложены весьма суммарно и въ такомъ видѣ представляютъ по существу мало интереса.

Ред.

Сравнивая „Вѣхи“ и „Смѣну вѣхъ“, докладчикъ указываетъ, что „Смѣна вѣхъ“ въ гораздо большей степени политическое выступленіе, чѣмъ „Вѣхи“, задача которыхъ состояла не въ критикѣ политическихъ позицій русской интеллигенціи, а въ переломѣ нѣкоторыхъ основныхъ положеній ея традиціоннаго міросозерцанія. Но „Смѣна вѣхъ“ не только политическій жестъ. Это извѣстный шагъ къ исторіи русской мысли въ группѣ тѣхъ идей, сѣмена которыхъ были заложены въ старыхъ „Вѣхахъ“. Авторы „Вѣхъ“ не могутъ взять на себя ответственности за мысли сотрудниковъ „Смѣны вѣхъ“, въ особенности такихъ, какъ А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ, людей совершенно имъ чуждыхъ по своему моральному и идейному складу. Но нѣкоторые участники пражскаго сборника (Устряловъ, Ключниковъ) исходятъ, несомнѣнно, изъ круга идей, близкихъ къ взглядамъ авторовъ „Вѣхъ“. Авторы „Смѣны вѣхъ“ призываютъ работать совместно съ совѣтской властью, увѣряя, что коммунизмъ изживается и перерабатывается, а интернационализмъ служитъ національнымъ интересамъ Россіи. Если бы такія заявленія сдѣланы были Ленинымъ или Троцкимъ, они представляли бы, конечно, большой политической интересъ. Но въ устахъ Потѣхина или даже Устрялова для кого они обязательны? Не выдаютъ ли авторы „Смѣны вѣхъ“ бронзовыхъ векселей, платежа по которымъ не послѣдуетъ? Сильная сторона „Смѣны вѣхъ“, какъ произведенія политическаго — патріотизмъ, слабая — вольное или невольное непониманіе обстановки, въ которой они призываютъ людей работать.

Значеніе „Смѣны вѣхъ“, однако, не въ ея злободневной публицистикѣ, а въ томъ, что въ ней (особенно въ статьяхъ Устрялова или Ключникова) дѣлаются попытки идейно осмыслить и осознать когенныя и глубокія явленія русской жизни, дать идейно продуманные отвѣты на вопросъ, почему русская интеллигенція въ 1921 г. должна идти „въ Каноссу“ къ совѣтской власти для совместной работы на благо русскаго народа. Авторы „Смѣны вѣхъ“ обвиняютъ интеллигенцію въ томъ, что, принявъ участіе въ революціи, она мечтала лишь объ удержаніи за собой опеки надъ народомъ и отвернулась отъ революціи, какъ только народъ, совершившій ее, пошелъ инымъ путемъ, чѣмъ ей хотѣлось. Народъ пошелъ за большеви-

ками, по мнѣнію смѣновѣховцевъ, именно потому, что только большевики вмѣстѣ съ народомъ взяли на себя отвѣтственность и за революцію, и за Россію.

„Смѣна вѣхъ“ проникнута своеобразнымъ славянофильствомъ. Русская революція пріобрѣтаетъ у авторовъ сборника всемірный и вселенскій характеръ, а интернаціонализмъ изложенъ у нихъ языкомъ Достоевскаго. Старая русская интеллигенція, по мнѣнію нео-вѣховцевъ, „безъ остатка исчерпываетъ и изживаетъ себя въ Ленинѣ“, а русская революція призвана предупредить „ужасы міровой революціи, которая при спокойномъ торжествѣ революціонной Россіи легко вылилась бы въ мирную и безболѣзненную революцію“. Все это очень туманно и фантастично, и напрасно было бы искать ясной и опредѣленной мысли въ этихъ мечтаніяхъ. Неменьшимъ туманомъ окутана у авторовъ „Смѣны вѣхъ“ и будущность, ожидающая самое Россію. Ключниковъ увѣряетъ, что Ленинъ это та цѣна, которой куплена новая Россія, а съ нею и новая русская интеллигенція. Передѣлывая все, великая русская революція впервые оказалась способной, по выраженію авторовъ „Смѣны вѣхъ“, и открыть пути для яркаго и могучаго русскаго либерализма, какъ послѣ нея же впервые становится возможнымъ прогрессивный и устойчивый русскій консерватизмъ“. При помощи Достоевскаго и Ницше ученикъ Маркса и Энгельса превращень, такимъ путемъ, въ героя Карлейля. Устряловъ всецѣло воспринялъ одну изъ основныхъ тактическихъ идей Ленина: если хочешь прыгнуть на полтора аршина, разбѣгись для прыжка на сажень. „Запросъ русской революціи къ исторіи“ — идея социализма и коммунизма. Но это, по мнѣнію Устрялова, разбѣгъ на сажень лишь для того, чтобы прыгнуть на полтора аршина и допрыгнуть до новой экономической политики. Не приписываетъ ли, однако, Устряловъ, утверждая, что „Москва жертвуетъ коммунизмомъ, чтобы спасти совѣты“, Ленину своихъ мыслей, за которыя Ленинъ и не думаетъ отвѣчать?...

Исходя изъ того, что изъ вѣхъ боровшихся въ Россіи общественныхъ группъ однимъ большевикамъ удалось удержать въ своихъ рукахъ власть, авторы „Смѣны вѣхъ“ взяли на себя смѣлость подъ классовое, пролетарское государство подвести внѣклассовый національный фундаментъ. Принимаютъ ли такую постройку сами [коммунисты? Какъ ни относиться къ марксистскому коммунизму, нельзя забывать, что это — стройная могучая интернаціональная доктрина, соперничающая по своему вліянію на массы съ наиболее сильными религиозными ученіями. И плохо вѣрится, чтобы въ какой бы то ни было моментъ своей жизни, на подъемѣ или при спускѣ, коммунизмъ обратился къ авторамъ „Смѣны вѣхъ“ за идеологической національно-государственной одеждой. Не переоцѣниваютъ ли они вообще соблазна цезаристскихъ идей и настроеній? Старые „Вѣхи“ тоже указывали на мистику государства. Но онѣ были далеки отъ обожествленія государства, а авторы „Смѣны вѣхъ“, можетъ быть и безсознательно, обожествляютъ его. Они напоминаютъ римскихъ республиканцевъ, обожествлявшихъ своихъ цезарей. Съ этой точки зрѣнія „Смѣна вѣхъ“ является однимъ изъ симптомовъ бонапартистскихъ настроеній.

Между старыми и новыми Вѣхами при нѣкоторомъ наружномъ сходствѣ, по мнѣнію докладчика, огромное принципиальное различіе. Передъ

нами интеллигенція двухъ разныхъ типовъ, съ различными моральными фizioноміями. Авторы „Смѣны вѣхъ“ утверждаютъ, что послѣ революціи интеллигенція должна радикально видоизмѣниться въ томъ духѣ, какъ ее хотѣли бы видѣть авторы „Вѣхъ“. Но авторы „Вѣхъ“ всегда стояли на той точкѣ зрѣнія, что есть нѣкія абсолютныя истины, которыя должны быть истинами русской интеллигенціи, независимо отъ того, каковъ въ данный моментъ государственный строй въ Россіи. Авторы „Вѣхъ“ доказывали, что сила интеллигенціи только моральная и что интеллигенція обрѣтетъ свою духовную силу лишь тогда, когда высшій критерій своихъ мнѣній и поступковъ она найдетъ не въ преходящихъ земныхъ или общественныхъ цѣнностяхъ, а въ цѣнностяхъ абсолютныхъ. Новыя „Вѣхи“ эту идею отвергаютъ. Между тѣмъ все, что мы пережили въ послѣдніе годы, способно только укрѣпить въ каждомъ чуткомъ и мыслящемъ челоѣкѣ сознание истинности этой мысли. Въ нея нѣтъ ни свободы, ни челоѣческаго достоинства, ни духовной силы.

Резюмируя свои выводы, докладчикъ указываетъ, что какъ злободневное политическое выступленіе, сборникъ „Смѣна вѣхъ“ особаго интереса не представляетъ. Какъ попытка использовать коммунизмъ и на интернаціонализмъ построить зданіе Великой Россіи, онъ навнень. Скрытые же въ немъ цезаристскіе соблазны едва ли окажутся столь сильны, какъ надѣются нѣкоторые авторы. Но какъ симптомъ идейнаго броженія русской интеллигенціи, сборникъ и показателенъ, и интересенъ. Онъ свидѣтельствуетъ, что патріотическая тревога все глубже и глубже охватываетъ русскую интеллигенцію. Рецепты, прописываемые пражскими лѣкарями, даютъ, однако, мало надежды на выздоровленіе больного. Это все старыя мечты, что существуютъ какія то внѣшнія формы жизни общественной, государственной, интернаціональной, которыя дадутъ всеобщее счастье. Это — заблужденіе и миражъ. Такихъ формъ общественной, государственной и международной жизни нѣтъ. Челоѣкъ всегда въ концѣ концовъ останется наединѣ со своимъ Богомъ, со своей совѣстью и предъ ними принужденъ будетъ держать отвѣтъ. И наше участіе въ общественной, государственной и международной жизни тогда только станетъ разумнымъ, честнымъ и серьезнымъ, когда въ глубинѣ своей души мы обрѣтемъ непреклонный голосъ, говорящій: „На этомъ я стою и не могу иначе“. (Апплод.).